

Покинув Башню Ветра и Луны, Двенадцатый принц направился с визитом в резиденцию князя Чэн.

Это была первая официальная встреча Двенадцатого принца и наследника князя Чэна.

Первый князь Чэн приходился Императору родным дядей, а нынешний князь Чэн в детстве был дружен с Императором, оставаясь одним из крайне немногих живых членов императорского рода, с которыми у того сохранялись тёплые отношения.

По этой причине резиденция князя Чэн выглядела роскошной и величественной, однако по-настоящему ценных редкостей в ней почти не наблюдалось — пожалуй, её убранство даже можно было назвать простоватым. Говорили, что князь Чэн потратил несметные серебряные суммы на слабое и болезненное от рождения здоровье наследника.

Если это соответствовало действительности, то положение и вес наследника князя Чэн в обществе оказывались куда выше, чем можно было вообразить.

Кто знает, быть может, этот наследник князя Чэн ценился выше, чем половина всех императорских сыновей.

Размышляя об этом, Двенадцатый принц позволил провести себя в главный зал, где его уже ждал наследник князя Чэн.

Он действительно при смерти.

Такова была первая мысль Двенадцатого принца при виде наследника князя Чэн.

Молодой наследник, которому едва исполнилось двадцать лет, сидел в кресле, а его лицо отсвечивало мертвенно-бледным оттенком, источая ауру увядания. Тяжёлый запах лекарств ощущался даже у самой двери.

Без лишних расшаркиваний Двенадцатый принц сразу достал письмо от Лю Чи и протянул его собеседнику.

Подождав около чашки чая, наследник князя Чэн отложил листок бумаги и аккуратно, след в след, сложил его прежним образом.

«Лю Чи мастак придумывать, додумался же до столь нелепого способа», — с улыбкой промолвил наследник князя Чэн. Из-за слабости в теле голос его звучал тихо и лишённо сил, отчего тон казался необычайно мягким.

Но было бы величайшей глупостью счесть его характер таким же мягким и слабым.

Наследник князя Чэн положил письмо на стол, подвинул его в сторону Двенадцатого принца и с улыбкой произнёс:

— Когда Лю Чи всё подготовит на своей стороне, достаточно будет лишь подать весть — резиденция князя Чэн поступит в точности так, как написано в письме.

Двенадцатый принц удивленно посмотрел на него.

— Сехэ, — Двенадцатый принц слегка склонил голову в знак приветствия.

— Двенадцатый принц, присядьте, — наследник князя Чэн указал на соседнее кресло. Двенадцатый принц сел, ожидая, пока тот дочитает послание.

Впрочем, всё это и впрямь забавно... — наследник князя Чэн на мгновение опустил взгляд, погрузившись в раздумья, а затем легко постучал пальцами по тыльной стороне ладони. — Ладно, раз Лю Чи считает, что это дело выгорит, я согласен пойти за ним.

Двенадцатый принц явно не ожидал, что наследник князя Чэн так легко поддержит замысел Лю Чи. Несколько растерянно взяв конверт и безуспешно пытаясь сообразить, что подобает ответить, он в конце концов лишь вымолвил:

— Тогда я не смею больше отвлекать, берегите здоровье, наследник.

— Счастливого пути, Двенадцатый принц.

Выйдя за главные ворота резиденции князя Чэн, Двенадцатый принц с облегчением и некоторой усталостью выпустил воздух. Судя по всему, сегодня не имело никакого значения, кто именно доставит послание, но Лю Чи нарочно велел ему явиться лично — судя по всему, для того, чтобы они с наследником князя Чэн увиделись воочию.

Обычно Двенадцатый принц с огромным энтузиазмом и мастерством брался за подобные дела, но на сей раз он отмолчался от начала и до конца, да к тому же покинул гостя раньше времени.

Если бы наследник князя Чэн ответил отказом, он бы просто забрал письмо и отговорил Маленькую Золотую Рыбку от этой затеи.

Но взгляд наследника князя Чэн был ярким и осмысленным. Его полная мощь душа оказалась насильственно заточена в хрупкую, слабую оболочку, рождая поразительный контраст.

Это был будущий союзник, которого подготовил для него Лю Чи, и Двенадцатому принцу следовало заранее наладить с ним хорошие отношения.

Покинув резиденцию князя Чэн, Двенадцатый принц не стал сразу возвращаться в Башню Ветра и Луны к Лю Чи, а какое-то время молча просидел в карете, погруженный в собственные мысли.

Впрочем, не успел он предаться задумчивости, как кто-то постучал по стенке экипажа, и кучер, приподняв занавеску, тихо доложил:

— Ваше Высочество, опальный Наследный принц мёртв.

Двенадцатый принц мгновенно встрепнулся и спросил:

— Кто приложил руку?

Хотя все прекрасно знали, что опального Наследного принца ожидает смерть после высылки из столицы, никто не думал, что всё случится настолько быстро. В конце концов, Его Величество всё ещё гневался, и затевать расправу в столь неподходящий момент было опрометчиво.

Лишить человека жизни сразу же после его изгнания из столицы выглядело слишком некрасиво.

— Никто не поднимал руку, он покончил с собой.

Двенадцатый принц презрительно усмехнулся, откинулся спиной на обшивку кареты и больше ничего не произнес.

Спустя мгновение из глубины экипажа донёсся его голос:

— В Башню Ветра и Луны.

Башня Ветра и Луны.

Увидев вновь припозднившегося Двенадцатого принца, Лю Чи спросил:

— Навестил наследника?

— Был у него, — лениво отозвался Двенадцатый принц, усаживаясь в своё излюбленное кресло.

— Он согласился. Сказал, как только у тебя всё будет готово, достаточно дать ему знать.

— Вот как, — Лю Чи кивнул, словно ожидая именно такого исхода.

— И ещё, опальный Наследный принц мёртв, — добавил Двенадцатый принц.

На сей раз Лю Чи искренне изумился:

— Так быстро? Покончил с собой?

— Смышлёный, — кивнул Двенадцатый принц.

Поразмыслив немного и перебирая пальцами небольшой слиток золота, Лю Чи медленно проговорил:

— Раз Император потерял двух сыновей подряд, он наверняка перестанет срывать злость на остальных и даже устроит опальному Наследному принцу пышные похороны.

На этот раз, воспользовавшись историей с убийством Двадцать третьего принца, Император прошёлся карающим мечом по всем сыновьям разом, одновременно послав чёткий сигнал о своём намерении избрать нового, поистине достойного Наследника.

Это означало, что отныне уровень терпимости Императора к попыткам принцев протянуть руки к власти многократно возрастет.

К тому же, гибель двух сыновей кряду позволила Императору достичь собственных целей, и на этом инцидент должен был исчерпать себя. Особенно учитывая, что седьмой сын, в отличие от совершенно незаметного Двадцать третьего принца, был по-настоящему любим отцом. Сделав такого ребёнка разменной монетой, Император неизбежно испытает угрызения совести после завершения драмы.

По меньшей мере, к Седьмому принцу — своему самому видному сыну, которого он сам же превратил в мишень и довёл до самоубийства, — у него наверняка возникнет доля отцовского сожаления.

Подобные чувства заставят Императора проявить необычайную снисходительность к собственным сыновьям в текущий период.

— Как только похороны опального Наследного принца завершатся, Двенадцатый, ты начнёшь просить Императора о переводе в Министерство финансов... — по мере того, как в голове Лю Чи выстраивалась цельная картина, его глаза разгорались всё ярче. — Нет-нет, не спеши в Министерство финансов, сначала ты должен покинуть дворец! Обзавестись собственным поместьем!

Все эти годы Император держал сыновей в жестких тисках: за исключением старших принцев, которые ещё в былые времена получили уделы и титулы, остальные по-прежнему содержались во внутренних покоях дворца.

Но сейчас наступил тот самый момент, когда отцовские чувства Императора будут обострены до предела. Если Двенадцатый принц попросит разрешить ему выехать из дворца и основать

собственный дом, вероятность получить согласие крайне высока!

А это означало, что Двенадцатый принц сможет побороться за получение княжеского титула!

— Тебе уже семнадцать лет, возраст перевалил за... Впрочем, одного этого мало. Сделай так: скажи Императору, что хочешь жениться! — возбужденно продолжил Лю Чи. — Разумеется, не на главной жене. У клана Чэн из Цзиньдуна, богатейших торговцев, есть дочь. Ей как раз исполнилось пятнадцать, она хороша собой и обладает кротким нравом. Возьми её в наложницы, как тебе идея?

Клан Чэн из Цзиньдуна принадлежал к числу тех сторонников Двенадцатого принца, которых можно было назвать несметно богатыми, а глава клана Чжэн Тяньлу являлся преданным членом Фракции Двенадцатого принца.

Хотя пока что он был лишь относительно преданным, Лю Чи нисколько не сомневался: стоит Двенадцатому принцу заполучить титул и собственный дворец за пределами императорских стен, как статус младшей жены принца заставит всё купеческое сообщество безоговорочно присягнуть ему на верность.

Учёные, земледельцы, ремесленники, торговцы — купцы стояли на самом дне социальной лестницы. Но если удастся породниться с принцем, особенно с тем, кто претендует на императорский трон, это означало шанс самим стать родственниками императорского дома, превратиться в настоящую знать!

Для торговцев, разбогатевших до предела, возвышение статуса являлось самым непреодолимым соблазном.

Услышав, как разговор внезапно свернул на тему женитьбы, Двенадцатый принц на миг потерял дар речи от изумления.

— погоди, не так быстро, с какой стати мне вдруг жениться? — поспешно запротестовал он.

— После окончания похорон опального Наследного принца выбери подходящий момент и заяви Императору о намерении жениться. Этот момент имеет решающее значение. Ты всегда ладил с личным евнухом Императора Хэ Хунси, так что в этом деле тебе во многом придется положиться на него, — Лю Чи подошел ближе и заговорил с неподдельным усердием.

— В ближайшее время сердце Императора будет легко растопить семейными узами. Проявив сыновнюю почтительность в такой момент и используя женитьбу как «семейное дело» в качестве прорыва, ты испросишь у него разрешение выйти из дворца и основать свой дом.

Главное здесь — не просто покинуть дворец, а завести собственный дом, обрести княжескую резиденцию!

Уже несколько лет никто из принцев не удостоивался княжеского титула. Пережив подобное потрясение в момент наивысшей отцовской сентиментальности, Император, услышав от сына о намерении жениться, с огромной вероятностью пожалует ему титул и дарует прекрасный удел.

Тем более что Двенадцатый принц обладал преимуществом, коим не располагал ни один другой принц:

Он был поразительно похож на Императора в молодости.

Прежде, когда Император железной рукой подавлял амбиции всех сыновей, сходство Двенадцатого принца с отцом вызывало лишь подозрения: ни один амбициозный монарх не пожелал бы видеть рядом молодую и сильную копию самого себя.

Но теперь, когда Император признал собственную старость и начал присматривать преемника, черты лица Двенадцатого принца превращались в колоссальное преимущество.

Император неминуемо обратит на него больше внимания, а большее внимание сулило больше возможностей.

Если Двенадцатый принц сперва получит титул и женится, а уже затем войдёт в Министерство финансов, его стартовая позиция и влияние будут разительно отличаться от того, как если бы он сунулся туда нынешним голымлом.

Очевидно, что, выслушав рассуждения Лю Чи, Двенадцатый принц тоже осознал открывающиеся перед ним возможности — редчайший, мимолетный шанс, выпавший раз в столетие.

Особенно сейчас, когда Император только что безжалостно приструнил целую ватагу принцев. Если не разглядеть этот шанс и продолжить жаться по углам, тебя попросту оттеснит тот, кто сумеет за него уцепиться.

И всё это Лю Чи обдумал за считанные мгновения, оттолкнувшись от брошенной вскользь фразы: опальный Наследный принц мёртв.

Разумеется, самоубийство Наследника сыграло в этом замысле ключевую роль.

Если бы Наследный принц пал жертвой междоусобной резни, Император, оплакивая его, одновременно затаил бы обиду и омерзение к выжившим сыновьям; в таком случае о нынешнем блестящем шансе не могло быть и речи.

Но Наследный принц покончил с собой сам, лишив Императора поводов для гнева на остальных сыновей, оставив место лишь для чистого отцовского чувства вины.

— Когда будешь провожать Седьмого братца в последний путь, держи лицо подобающим. Этим исходом мы во многом обязаны ему, — с лукавой улыбкой Лю Чи опустил руку на плечо Двенадцатого принца.

<http://bllate.org/book/21314/2162812>